

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЗ УГНЕТАТЕЛЯ?
О ПОНЯТИИ «ЭМАНСИПАЦИЯ»
В ЛИТВЕ И БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX
СТОЛЕТИЯКлаус
Рихтер

Рихтер

22

О понятии «эмансипация»

Жители Шауляя, городка в северной Литве, смотревшие на рубеже XIX-XX вв. театральную пьесу «Дьявол в ловушке» испытывали, должно быть, жалость к героине этой пьесы и гнев ко всем остальным персонажам. Написанная в 1902 г. двумя наиболее известными литовскими авторами-женщинами Габриеле Петкевичайте (псевдоним Бите) и Юлией Жимантиене (псевдоним Жемайте), эта пьеса во многих отношениях становится ключом к пониманию того, каким образом современницы-интеллектуалки представляли себе процессы эмансипации в Северо-Западном крае. Героиня пьесы, бедная крестьянка и мать Тупиене, почти в безнадежной борьбе за своего простодушного и расточительного мужа, не просыхающего от пьянства, беспокоилась о будущем своей дочери, за которой ухаживал непутевый крестьянский парень, и держала на расстоянии пронырливого еврейского лавочника Шмуля. Современники сказали бы, что Тупиене находилась в процессе эмансипации. Однако, испытывая острую потребность в эмансипации, т.е. в освобождении от рамок «традиционного» мира, она, как любой другой в то время, включая крестьян и евреев, потерпела неудачу¹.

Но давайте вернемся на несколько десятилетий назад. В первой половине XIX в. на северо-западе Российской империи – в регионе, который включал сегодняшнюю Литву и Беларусь, – вряд ли кого-то можно было считать свободным. Большую часть населения составляло угнетенное и маргинализированное крестьянство. Евреи подвергались дискриминационной политике государства, направленной на

1 *Dvi moterys: Velnias spąstuose. Dramatiškas pavakslėlis iš trijų veiksmų.* Tilsit, 1902.

превращение их в «более продуктивную» и «менее вредную» группу для христианского населения. Католические священники являлись объектами притеснения, поскольку ассоциировались с католической Польшей, которая, начиная с восстания 1830 г., должна была быть во что бы то ни стало подавлена. Женщин общество видело в качестве жен мужчин, являвшихся членами угнетенных групп, и поэтому они оказывались в двойном порабощении.

Попытки изменить в лучшую сторону условия жизни этих различных в религиозном, социальном и гендерном планах групп осуществлялись из разнообразных источников по разным социальным траекториям, сверху и снизу, справа и слева. Наиболее значимой стала отмена крепостного права в Российской империи в 1861 г.. Это событие, не улучшив экономических условий крестьянства, заложило вместе в тем основания социальной стратификации и развития класса экономически сильных фермеров (хотя на северо-западе империи представителей этого нового класса было немного). Это была эмансипация в наиболее традиционном смысле этого слова: официальное английское понятие для обозначения этой реформы – *эмансипация крепостных* (*emancipation of the serfs*). Это значение отражается в русском понятии *освобождение*, то есть «отпущение» или «высвобождение» (*remission* или *release*), и является относительно близким понятием латинскому глаголу *emancipare*, который примерно можно перевести как «перестать находиться в чьих-то руках» или «перестать кому-либо принадлежать» (*letting out of one's hands*). Понятие *эмансипация*, которое относилось в основном к акту высвобождения (*release*) отцом своего сына от законного попечения или освобождение рабов, доминировало на протяжении XIX в..

Эмансипация была актом, совершаемым по отношению к группе, с целью предоставления ей возможности достигнуть схожих или равных прав. Так, например, прусские евреи *были* «эмансипированы» в 1812 г., когда государство пожаловало им прусское гражданство². В 1829 г. британские католики

2 Интересно, что понятие *Juden-Emanzipation* (эмансипация евреев) не использовалось до 1817 г.. Акт дарования евреям полных гражданских прав до этого обозначался как *Naturalisation*, *Gleichstellung* (уравнивание) или *bürgerliche Verbesserung* (гражданское исправление). Подробнее об истории концепта *эмансипация* в немецком дискурсе см.: Die Emanzipation der Juden in Europa // E.-V. Kotowski, J.H. Schoeps, H. Wallenborn (eds.). *Handbuch zur Geschichte der Juden in Europa*. Vol. 2. Darmstadt, 2001. P. 336-352.

были «эмансипированы», они получили больше прав, хотя в целом «пакет» прав остался ограниченным³. «Освобождение» крепостных впитало в себя эти значения и спустя два года произвело важнейшую реформу на другой стороне света – когда правительство Соединенных Штатов в 1863 г. издало свой «Манифест об освобождении рабов», давший свободу большей части рабов в Соединенных Штатах Америки.

Известный комментарий Карла Маркса о требованиях к эмансипации – «мы должны эмансипировать себя перед тем, как эмансипировать других» – датируется 1844 г. Однако он предлагал более широкое и нетрадиционное понимание процессов эмансипации и не ограничивал возможности чьего-либо освобождения предписаниями государства, правящей элиты или духовенства⁴. Эта отличительная особенность станет самой существенной, по мере увеличения социальных различий и отмены крепостного права, и последующих социальных и организационных реформ, предлагающих (скромные) варианты участия в общественной жизни и социальной мобильности. Одной из наиболее значимых социальных стратегий развития в Северо-Западном крае Российской империи, так же, как в Украине и в Королевстве Польском, являлась стратегия по обеспечению улучшения жилищных условий крестьянства, которое воспринималось как несколько раз маргинализованное – (1) на национальном уровне, по мере того как беларусы и литовцы все более начинали восприниматься как нации, находящиеся под гнетом царского режима, (2) на социально-экономическом уровне, определявшем положение крестьян, как не конкурентноспособное по отношению к польским сословным землевладельцам и, что более важно, – еврейским купцам.

Несмотря на все это, не было никого, кто продвигал бы «эмансипацию» крестьян. Под влиянием стратегии «органической работы», которая была развита польскими националистами как реакция на репрессии, последовавшие за восстанием 1863 г., беларусские и литовские активисты

3 Немецкая всемирная история для молодых католиков описывает этот акт как *die katholischen Staatsbürger zu emancipieren, d.h. ihre Sklavenketten zu lösen* («эмансипировать католических граждан, то есть уничтожить их цепи рабства»). См.: F. Unnegarn. *Weltgeschichte für die katholische Jugend*. Münster, 1883. S. 443.

4 К. Marx. *Zur Judenfrage // Deutsch-Französische Jahrbücher*. 1844. S. 185.

выступали за расширение прав и возможностей крестьян – процесс, который должен был бы происходить одновременно как изнутри, так и снаружи крестьянства. Священники и интеллектуалы должны были заниматься образованием крестьянства, а само крестьянство должно было вступить в экономическую конкуренцию с поляками и евреями. Это изменение отразилось в литовском языке, который использовался в дебатах в 1880-е гг., когда писатели начали все более активно использовать понятие *išliuosavimas* вместо *išliuosavimas* (*liberation/освобождение*). Крошечная возвратная частица *-si-* акцентирует то, что освобождение (*liberation*) должно принять форму «самоосвобождения» (*self-liberation*). Последнее оказывается ближе понятию *эмансипация*, используемому нами в настоящее время. Однако это понятие не ограничивалось только эмансипацией крестьянства: оно стало популярным выражением для всех групп, которые считались маргинализированными, угнетенными или же находящимися под пагубным влиянием. Представители интеллигенции побуждали молодежь эмансипироваться от своих отсталых отцов, католики ожидали от евреев эмансипации от раввинов, а светские активисты побуждали христиан эмансипироваться от духовенства.

На протяжении XIX в. и до Первой мировой войны понятие женской эмансипации гораздо в большей степени было на слуху в Польше, чем в Беларуси и в Литве. Принимая во внимание, что Адам Мицкевич был безнадежным романтиком, его речь, произнесенная в Париже в 1842 г., была злободневна и обращалась к идеалу революционной героини Эмилии Плятер:

Польская женщина не щекочет себе нервы чтением любовных романов. Она не является ни утонченной нимфой, ни страстной итальянкой, ни остроумной королевой салонов; она – дочь, преданная своему отцу, жена, готовая следовать за своим мужем на край земли... Таков неизбежный путь всего человечества: чтобы получить на что-то право, необходимо сначала принести жертву. Именно таков путь эмансипации для польской женщины; она более свободна, чем женщины в других странах. Значимость в обществе женщины получают не за счет бесконечных дискуссий о своих правах или выдумывая ложные теории, но за счет акта самопожертвования [...] Я повторюсь:

проблема освобождения женщин решена в Польше в гораздо большей степени, чем в других странах⁵.

Описанная Мицкевичем женщина, конечно, являлась крайне независимой от мужчины или равной ему, но она все же была далека от западноевропейского утонченного идеала женщины как существа, полностью отдаленного от какой-бы то ни было жизни за пределами дома. Кроме того, Мицкевич говорил исключительно о женщинах дворянского происхождения. Согласно ему, история Польши как угнетенной нации требовала от женщин «эмансипации», чтобы они смогли присоединиться к польским мужчинам в их борьбе против иностранного режима. Или, другими словами, даже женщины были нужны в «органической работе» для укрепления польской нации.

Позитивистам в Варшаве второй половины XIX в. такое понимание женского освобождения должно было казаться наивным и патерналистским. В то время как для Мицкевича эмансипация женщин представлялась романтическим идеалом, направленным, скорее, на сотворение сильной женщины на пользу мужчинам, нежели ради самой себя. Достижение равенства между мужчинами и женщинами позитивисты видели, скорее, как всего лишь инструмент в общей борьбе за укрепление маргинализированных социальных и религиозных групп. Элиза Ожешко, родившаяся в местечке недалеко от Гродно, в 1873 г. писала в своем программном памфлете «Несколько слов о женщинах»: «Эмансипация женщин берет свое начало в идее, которая общая для всех человеческих существ – избавление от любого ярма, освобождение (*uwolnienie*) от любого унижительного порабощения»⁶.

Для Ожешко эмансипация женщин была не просто процессом наделения женщин властью. Она также означала неприятие мужского господства как неоспоримого факта. Понимание эмансипации пылкой позитивистки Ожешко являлось частью бóльшего проекта освобождения и укрепления общества в целом. Поэтому не удивительно то, что

5 A. Mickiewicz. Wykład XXX // *Dziela*. Vol. 10. Warszawa, 1955. S. 379-80. Цит. по: Х. Филипович. Дочери Эмилии Плятер // *Женщины на краю Европы* / ред. Е. Гапова. Минск, 2003. С. 341-342.

6 E. Orzeszkowa. *Kilka słów o kobietach*. Lwów, 1873. P. 1.

Ожешко оказалась вовлечена также и в так называемый «еврейский вопрос», который в то время являлся одной из самых популярных тем среди польских, литовских и белорусских интеллектуалов. Для Ожешко, укрепление общества включало необходимость борьбы за «эмансипацию» евреев: «Делание евреев абсолютно равными с другими классами населения предстает для нас в настоящее время в том же свете, что и правовая эмансипация (*równouprawnienie*) мещан»⁷. Для Ожешко и других позитивистов «эмансипация» сама по себе была понятием тесно связанным с просвещением, и поэтому она должна была быть приложима ко всем угнетенным слоям общества. Однако «эмансипация» никогда не заканчивалась предоставлением равных прав. В случае с польскими и русскими евреями Ожешко полагала, что они нуждаются в «эмансипации» себя самих от архаических и анти-модерных черт, которые она видела как препятствия в борьбе евреев за становление сильными, продуктивными и свободными представителями общества. Например, это подчеркивает ее изображение просвещенного еврея, который сотрудничает с польским дворянством, параллельно сражаясь с отсталым караимским сообществом в романе «Меер Иозефович» («*Meir Ezofowicz*»)». ⁸

Не удивительным оказывается то, что в аграрных обществах западной периферии Российской империи эмансипация оказывалась в большей степени освобождением крестьян, чем эмансипацией женщин и евреев. Православные и католические крестьяне в Северо-Западном крае – назовем мы их беларусами или литовцами – оставались маргинализованными по многим признакам, даже после отмены крепостного права в 1861 г. Бедность была широко распространена, и многие крестьяне чрезмерно пили, превращая в руины свои усадьбы и деревни. Царская государственная политика в

7 E. Orzeszkowa. *O Żydach i kwestii żydowskiej*. Vilnius, 1882. В своей работе «О евреях и еврейском вопросе» Ожешко отвергает антисемитские идеи, которые были распространены среди многих ее собратьев позитивистов. По ее мнению антисемитизм являлся несовместимым с позитивистским мышлением и выступал скорее в качестве инструмента для извлечения выгоды: «Нетрудно понять, каковы были цели подобных брошюр вроде “Евреи и Кахаль”, “Завоеванием мира евреями”. Это тексты, которые принадлежат литературе скандалов, и [...] скандал остается наиболее жизнеспособной спекуляцией». Указ. соч.

8 E. Orzeszkowa. *Meir Ezofowicz*. 1878.

отношении к крестьянам в этом регионе не была однозначной. С одной стороны, власти выступали в защиту укрепления позиции крестьян по отношению к польской земельной шляхте. Но, с другой стороны, они не предполагали какой-либо образовательной программы для крестьян. Более того, в регионе не были введены институты самоуправления (земства) для предотвращения организации крестьянства и возможных восстаний, наподобие восстаний 1830 и 1861 гг. В общем, власти не только не способствовали экономической и социальной организации крестьянства – они фактически пытались предотвратить ее, запрещая даже формирование волонтерских пожарных бригад.

Как священники, так и светские интеллектуалы в Северо-Западном крае заявляли о своей ответственности за «эмансипацию» крестьян. Равно как обе элитные группы объявляли себя ответственными за урегулирование положения женщин среди населения Литвы и Беларуси. Острые социальные проблемы и частое отсутствие интереса у крестьян к национальным или христианским вопросам препятствовало включению этой группы в нациообразующие процессы в регионе. Крестьянам предписывалось исправлять своих спившихся и «охваченных пороком» мужей. Священники подчеркивали, что женщины были более религиозными, нежели мужчины, и поэтому должны были брать на себя ответственность за укрепление христианских ценностей и традиций в семье. Светские активисты полагали, что женщины должны взять на себя интеллектуальную задачу в формировании мировоззрения своих детей, поскольку их влияние на детей было гораздо выше, чем влияние мужчин⁹. Тем не менее, интеллектуалы с жаром подчеркивали, что эмансипация женщин ни в коем случае не должна ставить под вопрос превосходство мужа как главы дома. Скорее, эмансипация должна укреплять крестьянскую экономику посредством увеличения трудоспособности населения. В 1895 г. в комментарии к работам Элизы Ожешко литовский педагог и писатель Пранас Машиотас (Pranas Mašiotas) отмечал:

9 J. Miknytė. *Moters socialinio vaidmens konstravimas viešajame diskurse XIX a. vidurio - XX a. pradžios Lietuvoje*. Unpublished dissertation. Kaunas: VDU, 2009. P. 148.

Ясен смысл слов: эмансипация женщин. Ни от предвзятой тирании мужчин, ни от жертвенной и наследованной ответственности за счастье семейной жизни, ни от ясности и комфорта, но скорее от физической слабости, которая скорее была привита, чем наследована, от недостатка психической силы, которая не встраивается в физическую жизнь, от вреда, нанесенного внутренним рабством и требованием обладать ангельскими качествами [...], от ожидания куска хлеба из рук других, от постоянных препятствий на пути к серьезной и полезной работе, должны эмансипироваться женщины (*emancipuotis*)¹⁰.

Литовские светские активисты, которые были первым литовскоговорящим поколением, получившим университетское образование, часто женились на польских женщинах из-за серьезного недостатка образованных «литовских» женщин. Так литовский националист Винкас Кудирка (Vincas Kudirka) отмечал:

Сегодня вопрос женитьбы кажется очень сложным для молодых литовских интеллигентов. Многие из них должны оставаться неженатыми на протяжении всей своей жизни и становиться отрезанным ломтем для общества, потому что нет литовских женщин, которые подошли бы им... Общество, дай нам литовских девушек!¹¹

И интеллектуалы, и священники продвигали идею «эмансипации» женщин, но ни те, ни другие не хотели, чтобы женщины сами возглавили этот процесс и он превратился в социальное движение. В частности, церковно-приходские священники ожидали от женщин, что они позволят организовать себя неоспоримому моральному авторитету в стране – духовенству¹². Что аналогично «эмансипации» крестьян, которая, скорее, должна была быть спроектирована и достигнута элитой (или теми, кто себя считал элитой), нежели самими крестьянами.

Вместе с тем, не было четкого объяснения, почему «эмансипация» женщин до Первой Мировой войны оставалась освобождением без угнетателя. В то время как было понятно,

10 *Varpas*. 1895. Vol. 2. P. 35. Невестка Машиотаса, Она Машиотене (Ona Mašiotienė), впоследствии станет первой, кто напишет историю женского движения в Литве: O. Mašiotienė. *Motery politinis ir valstybiniai-tautiškas darbas 1906-1937*. Kaunas, 1938.

11 T. Balkelis. *The Making of Modern Lithuania*. New York, 2009. P. 70.

12 См.: J. Miknytė. *Moters socialinio vaidmens konstravimas viešajame diskurse...*

что крестьяне должны были «эмансипироваться» от еврейских купцов и польской шляхты, то, в свою очередь, женщины должны были «эмансипироваться», не задаваясь вопросом о мужском авторитете в доме. «Предназначение» исправлять своих ненадежных и морально слабых мужей побуждало женщин брать на себя все больше ответственности и больше работать без гарантии каких бы то ни было новых свобод. Насколько идея всецело равных прав для женщин была притянута за уши видно из того факта, что многие женщины-активистки и литераторы сами продвигали точку зрения, согласно которой «эмансипация» женщин означает укрепление домашнего хозяйства. Такая позиция является следствием в основном дворянского происхождения женщин-писательниц, которые при этом интересовались изображением жизни «простых людей». И поэтому не удивительно, что литературный образ сильной, но страдающей крестьянки в разных историях отличается незначительно – будь это история, написанная белорусским или литовским автором.

Все это возвращает нас к театральной пьесе «Дьявол в ловушке», упомянутой в начале статьи. Это произведение, на самом деле, отражает тенденцию того, каким образом современницы-интеллектуалки представляли себе «эмансипированных» крестьянок. То есть, присматривая за своим любящим развлечения мужем и удерживая пронырливого еврея на расстоянии, главная героиня пьесы спасает крестьянский дом и, тем самым, «эмансипируется» от крестьян, то есть, от мужской части крестьянства.

Перевела с английского Инна Хатковская